

УДК 811

© *И. Д. Котляров, 2007*

**РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК С. А. БУРЛАК, С. А. СТАРОСТИН
«СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ»
(М. : АКАДЕМИЯ, 2005. 432 С.)**

Котляров И. Д. – канд. экон. наук, ст. преп. кафедры «Информационные системы в экономике» (СПбГИЭУ)

Рецензируемая книга при всех ее достоинствах (грамотно продуманная структура подачи материала, изобилие примеров из разных языков, наличие информации о применении компьютерных методов в языкознании) обладает рядом существенных недостатков (преподнесение не получивших признания большинства ученых гипотез как несомненных научных теорий, крен в сторону рассказа о личных достижениях авторов), что заставляет сделать вывод о необходимости отказа от использования этого учебника при подготовке специалистов по сравнительно-историческому языкознанию в высших учебных заведениях.

Within the framework of informational educational space there is a problem of socializing future specialists through learning and comprehending the professional terms that are the verbal result of professional thought, means of orientation in the professional field and the major element of professional communication and adaptation.

Рецензируемая книга, написанная С. А. Бурлак и С. А. Старостиным (будем в дальнейшем называть ее БС), несомненно, является очень ярким событием для российского лингвистического образования, так как она призвана заполнить важный пробел в имеющейся учебной литературе: дать студентам-лингвистам новый полноценный учебник по сравнительно-историческому языкознанию. Существующие на русском языке учебники по данной тематике выходили сравнительно давно, и назрела необходимость в новом издании. Кроме того, имена авторов говорят сами за себя: Светлана Анатольевна Бурлак – признанный специалист по тохарским языкам, автор превосходной «Исторической фонетики тохарских языков», Сергей Анатольевич Старостин, к сожалению и глубокому прискорбию недавно нас покинувший, был

подлинной звездой российского языкознания и одним из ведущих компаративистов современности. Наличие у книги таких авторов по определению предполагает высочайший уровень учебника. К такому же выводу нас приводит название издательства – АСADEMIА является высокопрофессиональным издательским домом, специализирующимся на выпуске новой качественной учебной литературы, а не на бесконечных репринтах или перепечатках старых советских учебников, а также тот факт, что БС допущен Министерством образования и науки РФ в качестве учебника для высших учебных заведений. Иными словами, высокий уровень данной книги официально признан профильным министерством нашей страны. Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что целевая аудитория а priori должна встретить этот учебник с большим энтузиазмом.

К числу несомненных достоинств БС относятся:

1. Четкое определение ключевого для компаративистики понятия «родство языков». Это, несомненно, значительный прогресс. В существующих учебниках родство языков подается либо как интуитивно понятный термин без четкого определения, либо – через феноменологическое описание, что, безусловно, недостаточно для научных и педагогических целей. В этом БС выгодно отличается от других курсов.

2. Множество тщательно подобранных примеров, контрольных вопросов и вопросов для размышления, что позволяет на практике понять рассматриваемые в учебнике теоретические аспекты сравнительно-исторического языкознания (реконструкция праадыгской фонетической системы [1, с. 203–219]. Ряд примеров (скажем, рассказ о реконструкции языка киммерийцев [1, с. 80–81] проливают свет на малоизвестные и чрезвычайно интересные аспекты лингвистики, что, несомненно, привлекает внимание читателя.

3. Набор примеров не исчерпывается индоевропейскими языками, чем грешат многие другие курсы, являющиеся, по сути дела, курсами индоевропейского сравнительного языкознания, как, скажем, [2] или [3]. Такой узкий подход в принципе не должен вызывать удивления, поскольку индоевропейские языки являются наиболее разработанной в научном плане языковой семьей, но в этом случае многие интересные вопросы, например макрокомпаративистика или языки иного строя, остаются за рамками рассмотрения. В БС множество примеров из самых разных языков мира, включая койсанские [1, с. 53], что очень важно для демонстрации универсальности сравнительно-исторического метода.

4. Рассматриваемая книга является полностью переработанным вторым изданием учебника [4]. Нельзя не отметить, что по сравнению с первым изданием существенно улучшилась структура учебника и принцип

подачи материала, исправлены опечатки (см. таблицы соответствий звуков [4, с. 45–46] и [1, с. 80–81]), повысилось качество полиграфии.

5. Помимо вопросов, традиционно изучаемых в рамках курса сравнительно-исторического языкознания, авторы сочли нужным (и нельзя с ними в этом не согласиться) охватить сопутствующие темы. Так, в БС дается обзор компьютерных методов в компаративистике (что очень ценно, поскольку один из авторов сам является разработчиком программного обеспечения для компаративистов), а также рассматривается проблема глоттогенеза. Таким образом, учебный курс приобретает необходимые полноту и завершенность.

На первый взгляд, реальность соответствует нашим ожиданиям – перед нами хорошо структурированный учебник, написанный профессионалами своего дела, с массой нужной и интересной информации, дающий подробное и точное описание основных (и ряда сопутствующих) вопросов сравнительно-исторического языкознания. К сожалению, при более внимательном рассмотрении становится понятно, что в действительности картина далеко не столь благостная.

Прежде всего, вспомним требования, предъявляемые к учебнику [5]: «Учебник – это основная учебная книга по конкретной дисциплине. В нем излагается система базовых знаний, обязательных для усвоения обучающимися. Содержание учебника должно удовлетворять требованиям государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ГОС ВПО) и полностью раскрывать примерную программу по конкретной дисциплине. Название учебника должно соответствовать наименованию дисциплины федеральной компоненты ГОС ВПО...»

Учебное пособие рассматривается как дополнение к учебнику. Учебное пособие может охватывать не всю дисциплину, а лишь часть (несколько разделов) примерной программы. *В отличие от учебника пособие может включать не только апробированные, общепризнанные знания и положения, но и разные мнения по той или иной проблеме»* (курсив наш – И. К.).

Иными словами, учебник должен содержать только надежно установленные факты и теории и доказавшие свою надежность методики; в нем не должно быть места неподтвержденным и маловероятным гипотезам, недостоверным методикам, непроверенным фактам (и тем более подтасовке фактов), он не должен служить рекламой не получивших общего признания научных достижений автора. Учебнику необходима тщательная редакторская и корректорская правка для устранения всех возможных ошибок и внутренних противоречий. Увы, приходится констатировать, что ни одному из этих требований БС не соответствует.

Начнем с того, что авторы настойчиво проводят мысль о том, что основным критерием родства языков является сопоставление так называемой «базисной лексики», отмечая при этом грамматические критерии родства [1, с. 9–15, 97–100]. Такой подход является в лучшем случае однокоричем: спор о том, какой критерий – лексический или грамматический – первичен при определении родства, восходит к XVII в. [6, с. 30], и победитель пока окончательно не выявлен, хотя мировое лингвистическое сообщество в целом все же склоняется к примату парадигматической морфологии ([7, с. 23–26] – даже в этой научно-популярной книге для школьников приоритет отдается грамматике* [6, с. 30]). Отвергать грамматический критерий, не упоминая о его преимуществах и о том, что некоторые сложные случаи были решены только благодаря его использованию*, означает вводить студентов в заблуждение. В БС говорится о том, что «грамматический критерий не следует абсолютизировать» [1, с. 100]. Но почему же тогда авторы предлагают абсолютизировать критерий лексический? По всей вероятности потому, что один из авторов, С. А. Старостин, решил сделать учебник площадкой для рекламы своих разработок по глоттохронологии и лексикостатистике [1, с. 129–153, 163–167] как методики для определения родства языков, и, разумеется, грамматический критерий послужил бы этой саморекламе досадной помехой. Но все же гораздо логичнее (и, отметим, честнее) было бы рассказать студентам о наличии грамматического и лексического критериев родства, о преимуществах и недостатках каждого из них и о том, что для получения полной картины желательно по возможности использовать оба, если это позволяет структура рассматриваемых языков [8, с. 158–159].

Так как авторы говорят о лексическом критерии как о решающем для определения родства языков, то полностью обесценивается важнейшее достоинство книги – строгая формулировка понятия «родство языков» [1, с. 15], поскольку оно объясняется в терминах лексического сходства, без всякого учета парадигматической морфологии (при помощи которой, в частности, было доказано родство индоевропейских языков). Определение понятия «родство языков», данное авторами, является, таким образом, неполным и некорректным.

Далее, авторы выдают гипотезы за достоверные факты, как, например, в случае с гипотезами дальнего родства (ностратической, алтайской, сино-кавказской и т. д.), которыми они оперируют как доказанными теориями и даже дают из них примеры для демонстрации рассматриваемых в учебнике положений (например, дене-кавказская эти-

* *Campbell L.* Long-range comparison and methodological disputes // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. by Keith Brown. Oxford: Elsevier (в печати).

мология [1, с. 94] или алтайская просодия [1, с. 229–230]), ни словом не обмолвившись о том, что эти макрокомпаративистические построения вызывают у большинства ученых большие сомнения* [8], а сами примеры могут быть попросту неверными (как в случае с алтайской просодией [9, с. 60–61], [10, с. 110–111]). Снова студенты вводятся в заблуждение, и снова это делается для рекламы работ С. А. Старостина, много времени посвятившего алтайской и сино-кавказской реконструкции [1, с. 120, 229]. Вообще реклама достижений Старостина встречается очень часто [1, с. 134, 203, 270]. Подобная пропаганда собственных неоднозначных результатов не является, к сожалению, чем-то исключительным, ср. [11, с. 16]: «Есть и другие формулы, *не вошедшие в нормативные документы* (курсив наш – И. К.), но рекламируемые в учебниках и справочниках, написанных их авторами», но все равно производит гнетущее впечатление.

В учебнике немало фактических ошибок: например, на с. 164 говорится о высокой интенсивности контактов голландцев и скандинавов, вызвавшей более высокий процент совпадений в базисной лексике между голландским языком и скандинавскими, чем между скандинавскими и немецким. Однако известно, что интенсивными были контакты между носителями скандинавских языков и говорившими на средненижненемецком в эпоху Ганзы в XIII–XV вв. [12, с. 154–155, 160]. Именно средненижненемецкий оказывал максимальное воздействие на лексику скандинавских языков. Разумеется, нижненемецкий очень близок к нидерландскому языку, но трактовать их как синонимы, без специальных оговорок, неверно.

Встречается подтасовка фактов: на с. 167 указывается, что на составленном по данным глоттохронологии и лексикостатистики генеалогическом древе германских языков древневерхненемецкий занял подобающее ему место как предок современных немецких диалектов и нидерландского языка (в скобках стыдливо уточняется, что это «не совсем верно», но других комментариев нет). Увы, это не «не совсем верно», а совершенно неверно, нидерландский язык восходит к другой, отличной от верхненемецкого, ветви древнегерманских диалектов [12, с. 221–223], и такая подтасовка нужна только для демонстрации могущества лексикостатистики.

Авторы не замечают противоречий в своих утверждениях. Например, на с. 110 сказано, что «фонетическая точность реконструкции... – вещь существенная, но не абсолютная... Важно иметь соответствия между реконструируемыми сущностями, и это, пожалуй, даже важнее,

* Campbell L. Long-range comparison and methodological disputes // Encyclopedia of Language and Linguistics. Ed. by Keith Brown. Oxford: Elsevier (в печати).

чем знать точную артикуляцию этих сущностей в праязыках» (что полностью соответствует тезису де Соссюра, процитированному на с. 195 БС). Однако на с. 195, сразу после цитаты из де Соссюра мы можем прочесть следующее: «Мы не разделяем точку зрения Ф. де Соссюра, поскольку представление о фонетических характеристиках фонем праязыка имеет значение для фонетической типологии, играет важную роль при трактовке звуковых законов, позволяет надежнее обосновывать гипотезы о праязыковых заимствованиях, делает более наглядными связи реконструированных слов с родственными им словами других праязыков, что облегчает исследования дальнего родства» – короче говоря, знание фонетического облика праязыковых фонем все же важно. Так какому утверждению верить – о важности или о неважности фонетических характеристик?

Непоследовательность авторов проявляется и в том, что они, постоянно говоря о верности ностратической теории, тем не менее достаточно подробно рассматривают вопрос об индоевропейских ларингалах [1, с. 192–193], чье существование авторы не отрицают. Хорошо известно, однако, что ларингалы не выводятся из ностратической теории (Касьян, личное сообщение).

Далее, в генеалогической классификации языков мира на с. 376–381 перечислены языки, входящие в гипотетическую индотихоокеанскую макросемью, а на с. 352–364 – члены гипотетической америндской макросемьи. Сам принцип списка языков мира с распределением по макросемьям, чье существование не доказано, представляется для учебника порочным (см. выше), но дело даже не в этом: на «Карте языковых семей и групп» (кстати, ее название ошибочно, точнее было бы «Карта языковых макросемей») на первом форзаце (являющейся, как было бы логично ожидать, отражением «Генеалогической классификации языков мира» [1, с. 334–382]) америндская макросемья скромно названа америндской макрогипотезой, а индотихоокеанская макросемья не указана вообще. Вопрос – чему верить, карте на форзаце или списку в конце книги?

Кстати сказать, эта карта (подготовленная Ю. Б. Коряковым) представляет собой своеобразный шедевр. Начнем с того, что ареалы распространения австронезийских и австроазиатских языков перепутаны местами. Впрочем, поскольку эти языки, по мнению авторов БС, входят в одну большую австрическую макросемью, а принципом классификации являлись именно макросемьи, то эта ошибка не столь критична, ареалы указаны с точностью до макросемьи (что для учебника очень плохо, но для БС, как уже, надеюсь, понятно, простительно). Гораздо хуже другое: из-за ошибки при подготовке учебника к печати (или при выборе цветов для карты) ненаселенные области и ареал рас-

пространения славянских языков на карте оказались отмечены одинаково – белым цветом (на легенде славянским языкам приписан розовый цвет). Таким образом, студенту, пожелавшему разобраться с языковой картиной мира, придется догадываться, то ли Гренландия населена славянами, то ли в европейской части России больше не осталось никого живого. Далее, автор карты не признает штриховки – только сплошной цвет, и в итоге выясняется, что на большей части Сибири нет русскоязычного (точнее, славяноязычного) населения. В Черной Африке южнее экватора практически нет людей, говорящих на европейских языках – только носители конго-кордофанских и койсанских языков. Хуже всего пришлось Мадагаскару – там нет не только франкоязычного населения, но и людей, говорящих на австронезийских языках – только носители австроазиатских языков. Интересно отметить, что Ю. Б. Коряков обычно делает превосходные лингвистические карты – достаточно вспомнить карты к выпуску «Романские языки» серии «Языки мира» [13, карты на форзацах]. Невольно закрадывается подозрение, что у БС есть своя, особая, аура, не дающая людям качественно делать свою работу.

После всего этого ссылки в тексте на работы, отсутствующие в библиографии, кажутся всего лишь досадной мелочью ([1, с. 33], ссылка на работу Auwera, Plungian, 1998).

Все вышеизложенное может привести только к одному выводу – рассматриваемая книга ни в коем случае не является учебником, поскольку не соответствует требованиям, изложенным в [5], и непонятно, на каком основании ей был присвоен гриф Министерства образования РФ. Она отражает исключительно точку зрения авторов, и эта односторонность, а также многочисленные фактические ошибки и подгонки фактов заставляют рекомендовать запретить использование БС и в учебном процессе, и как научно-популярной книги для широких кругов людей, интересующихся лингвистикой (дать этим людям доступное пособие также было одной из задач авторов книги [1, с. 4]).

Осталось рассмотреть последний деликатный вопрос – каков личный вклад каждого автора в эту книгу? Явной информации об этом, разумеется, нет, но можно использовать косвенные данные. Прежде всего, как уже было сказано выше, БС активно используется для рекламы достижений С. А. Старостина. БС отличает вопиюще небрежное отношение к фактам и тенденциозность изложения, что свойственно и другим трудам, в которых С. А. Старостин выступал в качестве соавтора [14]. При этом с точки зрения структуры учебника и принципа подачи материала к БС претензий практически нет – информация хорошо систематизирована (хотя и есть внутренние противоречия, связанные либо с отсутствием редакторской правки, либо с расплывчато-

стью взглядов одного из соавторов), много хорошо продуманных примеров (речь идет о том, что примеры хорошо иллюстрируют материал; некорректность примеров, обсуждавшаяся выше и связанная, прежде всего, с необходимостью уделить особое внимание работам С. А. Старостина, сейчас не обсуждается). Все это наводит на следующую мысль – структура учебника, подбор примеров, принцип подачи материала были разработаны С. А. Бурлак, тогда как С. А. Старостин, по всей видимости, отвечал за идейное и текстовое наполнение книги. Понятно, кто лучше и ответственнее подошел к задаче. Хочется надеяться, что в скором будущем Светлана Анатольевна подготовит новое, исправленное издание БС, свободное от тенденциозности, пропаганды и передергивания фактов (а если называть вещи своими именами – то напишет учебник заново, полностью изменив идеологическую сущность книги), и тогда учебник станет тем, чем он и должен быть – незаменимой, подлинно настольной книгой всех интересующихся сравнительно-историческим языкознанием.

Библиографические ссылки

1. Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005.
2. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 2002.
3. Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 2004.
4. Бурлак С. А., Старостин С. А. Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001.
5. Письмо Министерства образования РФ от 23.09.2002 г. № 27-55-570-12 // КонсультантПлюс.
6. Collinge N. E. Further laws of Indo-European // On Languages and Language. Ed. by W. Winter. B. N.-Y., 1995.
7. Откупщиков Ю. В. К истокам слова. М., 1986.
8. Vovin A. Building a 'bum-pa for Sino-Caucasian // Journal of Chinese Linguistics. 2002. № 30 (1).
9. Martin S. E. Consonant Lenition in Korean and the Macro-Altaic Question. Honolulu, 1996.
10. Vovin A. North East Asian historical-comparative linguistics on the threshold of the third millennium // Diachronica. 2001. XVIII-1.
11. Айвазян О. М. Основы гидравлики равномерных течений. М.; Ижевск, 2006.
12. Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н. Введение в германскую филологию. М., 1998.
13. Языки мира. Романские языки / Под ред. И. И. Чельшевой, Б. П. Нарумова, О. И. Романовой. М., 2001.
14. Vovin A. The End of the Altaic Controversy // Central Asian Journal. 2005. № 49 (1).